

твинте элементы флоры и фауны, как «агути», «анаконда», «броненосец», «мурравед», «банан» (по-видимому, вообще происходящий из Старого Света), «кока», «гуан», «гуава», «игуана», «макао» (попугай), «магей», «маниока», «обезьяна», «пака», «тапир», «тукан», «батат» и некот. др. Поскольку даже на территории Центральной Америки человек появляется весьма поздно (не ранее XV тыс. до н. э.), предполагаемое состояние может быть приурочено исключительно к Северной Америке, где и засвидетельствована колыбель протоамериканской культуры.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что рецензируемая книга представляется первым серьезным шагом на пути обоснования гипотезы генетической связи основного массива америндских языков. Предпринятая в ней систематизация соответствующих фактов показывает, что уже к настоящему времени соб-

ран языковой материал, над которым следует задуматься компаративисту. Удовлетворение приносит и то важное обстоятельство, что ведущееся исследование вооружено современной техникой сравнительно-генетического языкознания. Теперь дело всецело за поступлением в его распоряжение нового языкового материала. Таким образом, основное значение данной публикации заключается в том, что, создавая отправную точку подобных штудий, она будет стимулировать всю дальнейшую работу в данном направлении. Она, несомненно, еще более активизирует работу и по собиранию ценного и столь быстро исчезающего с лингвистической карты мира языкового материала. Думается, что самим фактом своего появления книга послужит пропаганде америндского языкознания.

Г. А. Климов

«Назиратель», изд. подготовили В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова, под ред. С. И. Коткова. — М., «Наука», 1973. 752 стр.

В последние 10—15 лет русское языкознание получило целую серию прекрасно изданных памятников древне- и старорусской письменности. «Изборник 1076 г.», «Вести-курanty 1600—1639 гг.», «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.»¹ и др. В 1973 г. вышел в свет весьма ценный и интересный памятник русской письменности XVI в. — «Книга глаголемаз назиратель сирѣчь зрад домовныхъ дѣтель», — сокращенно — «Назиратель». Все эти издания осуществил Сектор лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка АН СССР.

В основу рецензируемого издания положен единственный рукописный экземпляр памятника, хранящийся в Государственном историческом музее в собрании Барсова под № 371.

Рукопись «Назирателя» оставалась почти неизвестной в научной литературе до начала XX в., когда К. В. Покровский обратил внимание на этот ценнейший памятник русской культуры XVI в.

«Назиратель», как установил К. В. Покровский², — памятник переводной ли-

тературы, восходящий к латинскому оригиналу одного из изданий (1474 г.) труда Петра Кресценция «Liber ruralium commodorum» или «Opus ruralium commodorum libri XII», написанного в Италии около 1305 г. Издатели считают непосредственным иноязычным оригиналом текста «Назирателя» польский перевод с латинского (издание 1549 г.). К такому выводу приводит тщательное сличение текста «Назирателя» и польского перевода сочинения Кресценция.

В рецензируемую книгу вошел текст самого памятника, занимающий 405 страниц (стр. 107—512, 203 листа рукописи), обстоятельное «Введение» (стр. 7—74), где приведены многочисленные соответствия и совпадения русского и польского текстов (см. табл. 1), «Правила передачи польского текста» (стр. 75—81), «Принципы воспроизведения и комментирования русского текста» (стр. 103—106), «Палеографическое описание рукописи» (стр. 82—102). Заключают издание обширный «Словоуказатель» (стр. 515—712) и «Приложение» (стр. 713—748) со снимками отдельных страниц польского издания и русской рукописи «Назирателя».

Ценность памятника в том, что это первое и единственное в России до конца

древней сельскохозяйственной переводной литературы, в кн.: «Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества», IV, 1, М., 1907, стр. 13—15.

¹ См.: З. М. Петрова, И. А. Понов, [рец. на кн.:] «Вести-курanty, 1600—1639 гг.», ВЯ, 1974, 1; Г. А. Хабургаев, [рец. на кн.:] «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.», ВЯ, 1969, 3.

² См.: К. В. Покровский, «Книга глаголемаз Назиратель сирѣчь зрад домовныхъ дѣтель» (Из истории

XVII в. произведение по сельскому хозяйству (наставления по огородному и садовому искусству в «Домострое» носят отрывочный характер). «Назиратель» представляет собой своеобразное практическое руководство по вопросам полеводства и огородничества, садоводства и возделывания пашни; он содержит сведения по устройству дома, двора, усадебных построек, советы по выращиванию различных сельскохозяйственных культур, рассказывает о лечебных свойствах растений и плодов.

Публикация памятника является большим научным и культурно-историческим событием. Значение ее особенно возрастает в связи с недостаточной изученностью словарного состава русского языка XVI в., времени больших изменений в лексике, серьезной внутренней перестройки ее семантической и стилистической системы. Эти изменения в основном сводились к развитию исконно русских языковых ресурсов, но определенную роль в этих процессах играли и заимствования из иноязычных источников.

Публикация «Назирателя» вводит в широкий научный оборот материалы, ярко отражающие все эти процессы и содержащие ценные сведения для изучения вопросов, связанных с начальным периодом формирования русского национального языка. В памятнике богато представлена лексика русского языка XVI в., относящаяся к наименованиям предметов сельскохозяйственного производства, орудий и предметов труда, растений и плодов, почв и их свойств, земельных участков, построек, посуды: *арба, боб, блюшь, верба, виноград, волк* «дикая ветвь, дикий побег», *мацаны, кацетель, горох, гречиша, грибы, дичок, жито; безплодствие, навоз, навозиско, загон, борода; борона, бчелник, голзбник* «голубятня», *городба, двор, дворец, загорода; горшок, скворода* и др. Относительно широко отражены наименования болезней, лекарств, способов врачевания, названия лиц по роду занятий: *ббурки, гноевиско, гноение, гнойник, гал'штынъ, квасцы, лант'ка, врачевание, врачество, выжигание, алхимист, воротник* «сторож», *врач* и т. п. Заметное место в лексике памятника занимают отвлеченные существительные: *безвремение, бездождие, безравние, безсильствие, бесчиние, величество, всаждение*; прилагательные, глаголы. Нет сомнений в том, что «Назиратель» станет важным источником для изучения процессов формирования в русском языке сельскохозяйственной, садоводческой, строительной и других разрядов лексики и терминологии.

Ценные сведения о естественнонаучных и лингвистических представлениях на Руси XVI в. дают глоссы и объяснения слов, широко представленные на полях текста «Назирателя». Ср., например, в тексте: творцве стиховъ л. 113, 8—9

(на полях — поетовѣ; в польск. — Poetowie), ипостасеи. л. 154, 12 (на полях — образы; в польск. — postáci), на... шпоце л. 159 об., 12 (на полях — шпокою | нарицают | бѣлои камен; в польск. — ná... .. оросе), гниет и порохнѣет л. 70 об., 9 (на полях — трспорѣ | шаетъ), легкие неприятели л. 25 об., 7 (на полях — супостаты), тыготы своен вскаесть л. 104, 7 (на полях — подымати) и др. Глоссы, приведенные в примечаниях к тексту «Назирателя», дают возможность судить о лексической синонимии в русском языке XVI в. Опубликованный памятник вообще относительно широко отражает синонимические отношения в кругу различных лексико-грамматических категорий: *кора — кожа, в'щепити — привити* (дерево), *сѣк — завязь — завилость* (на дереве), *дикии — леснои* (плод), *разность — различие* и т. п.

Особое значение для изучения лексической синонимии, состава синонимических рядов, для исследования специальных наименований из области сельскохозяйственной, медицинской терминологии имеют разнообразные и многочисленные разъяснения слов в тексте памятника. Это и синонимические параллели, ср.: тѣло рмяное, или красное, л. 3, 12—13 (в польск. — ciało rumiáne), теплотъ естественю или прироженю л. 3 об., 9—10 (в польск. — ciepłosć przyrodzoną), градъ или посадъ л. 5 об., 4—5 (в польск. — miástu), бѣгърки или на низ л. 6 об., 2—3 (в польск. — biegunki), парализ. сирѣчь расслабление л. 19, 17—18 (в польск. — rągaliż) и т. д.; и подбор ряда русских соответствий к польским словам, ср.: *силных* и *крѣпкихъ* и *нелѣпныхъ* дѣлателей л. 1, 4—5 (в польск. — dużych á czerstwych Osádnikow), причиноу и виноу л. 10 об., 12 (в польск. — przyczyną), *въбирает* и *розливаетъ* л. 101 об., 9—10 (в польск. — wybiera), *отлоги* и *перелог*. л. 108, 5 (в польск. — odłogi), *хваст* и *травца* л. 108, 17 (в польск. — chwast) и т. д. Прибавление нового слова не искажает смысла польского оригинала, ничего нового ему не сообщает, а только разъясняет читателю текст, уточняет его. Ср. также вставки в текст «Назирателя», выполняющие ту же пояснительную роль: *чтобы так могли хоты на однѣ долонь одна во однѣ входячи складатиски, которые щели и а с к л а д ы в а н и ю. подобаетъ извѣстию негашеною...* л. 37 об., 11—15 (в польск. — aby tak mogły ná iednę dłón w drugie wchodząc stosowane, być, ktorych spáry warnem niezagászonym...).

Можно согласиться с издателями памятника в том, что языковедческий анализ этих разъяснений поможет решить вопрос о происхождении переводчика или писца «Назирателя» и тем самым откроет новые стороны в истории текста памятника. Но главное значение подобных явлений в том, что они дают интересные мате-

риалы для лингвистических наблюдений и выводов. Например, они позволяют ставить и обсуждать вопрос о соотношении восточнославянских и церковнославянских элементов в лексике русского языка XVI в. (ср. употребление слов *дерево/древо*, *город/град*, *один/един*, *рожение/рожденье*, *рожати/раждати*, *холодный/хладный* и т. п.).

XVI в. — преднациональный период развития славянских литературных языков, в том числе и русского. В это время значительно расширяются экономические, политические и культурные контакты и связи между славянскими странами, особенно между Московским государством и Польшей. Влияние польского языка на русский становится особенно заметным именно в XVI—XVII вв. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники того времени — от произведений Ивана Пересветова, Ивана Грозного, князя Курбского до общерусских летописных сводов.

В «Назирателе» отражено большое количество полонизмов, и лексических и грамматических. Это делает памятник важным источником изучения межславянских (русско-польских) языковых связей в XVI в. Наибольший интерес в этом отношении, пожалуй, представляют прямые указания в тексте памятника на зависимость русского перевода от польского издания. См., например: над ним в'стави посѣдя деревяное или глиняное из широкии дномъ. с по полскѣ, се нарицають лием. или ворон'кою... л. 39 об., 12—16 [в польск. — *nádeń wstáwić naczyńie drzewiáne chociā gliniáne z szerokiim dnem (po polsku to lijem zowá)...*].

Небезынтересны различного рода пропуски и сокращения текста, перестановки слов, иногда не меняющие смысла, а иногда приводящие к определенным изменениям в нем. Иногда двум словам польского издания соответствует одно в «Назирателе»: *дѣтлю л. 39, 18* (в польск. — *smóły wodney álbo mázi*); *ржа л. 179, 1* (в польск. — *rdzá albo śnieć*); *з досокъ л. 181 об., 3* (в польск. — *z desk álbo z tárćic*); *людемъ... работающимъ л. 187, 2—4* (в польск. — *ludziem... robotnym á prácowitym*) и т. д. В других случаях одному польскому слову соответствует несколько русских: *исидоръс мдрецъ во враческихъ наука л. 183 об., 6—7* (в польск. — *Jsydorus teź Doktor*). Такого рода различия имеют значение не только для характеристики перевода с польского на русский, но могут быть использованы и для характеристики польско-русских лексических соответствий и различий.

Русский переводчик стремился соблюсти точность при передаче смысла польского текста, что связано прежде всего с характером памятника, с его содержанием. Однако заметно и творческое вмешательство в текст польского издания. Так как в «Назирателе» описываются яв-

ления, не характерные для русской действительности, в тексте памятника немало изменений, приспособляющих текст к представлениям русского читателя, к кругу его хозяйственно-бытовых привычек, к понятийной сфере русского языка XVI в. Сюда относятся разнообразные вставки пояснительного характера, в том числе глоссы, служащие для разъяснения неясных или малопонятных для русского читателя слов и явлений. Ср. вставку: или овощи зазяблые. какъ то сътъ пѣгвы, кблока которыхъ нарицають мацаны, или кацегулы, а в рѣскии странахъ такии овощи не обрѣтаются. после воды мѣтныи или гѣстыи с прирощениа ...л. 15, 12—17. Или: и тако рѣбежь ссѣѣдской дѣлает иногда неплодность отчины. наипаче ж в'масличномъ дереве и в' виноградѣхъ (л. 166 об., 16); *сирѣчь в' масле и в' винѣ там о гдѣ сѣи то родит, и в' нѣкихъ растущихъ вещей* (л. 167, 1—2); четвертой обычаи бываеъ прививаниа склада ниамъ какъ здѣсь прививаютъ паштой обычаи прививаниа... (л. 140 об., 4—6) и др.

Вставки и изменения, свидетельствующие о хорошем знании переводчиком (или писцом) предмета, о котором идет речь, и о его творческом отношении к тексту, представляют особый интерес и для историка языка, и для историка культуры.

Кроме явных и бесспорных полонизмов, в тексте «Назирателя» обнаруживаются элементы староукраинского языка, на что обратила внимание Л. Л. Гумецкая еще в процессе подготовки рукописи к изданию («Назиратель», стр. 66—67): 1) употребление предлога *из* с твор. пад. имен: *из широкии дномъ л. 39 об., 14* (польск. — *z szerokiim dnem*); *из сзотоу земною л. 86 об., 7* (польск. — *z suchościá ziemiá*); 2) разъяснение польских слов с помощью украинских: *слиская, или золъ'ка л. 82, 16—17*; зап. укр. *ховзький* (польск. *śliska*); 3) употребление отдельных украинских слов: *отвираючи л. 88 об., 7*; укр. *отворяти*/зап.-укр. *отвирати* (польск. *otwarzaiac*); *зернета л. 111 об., 1*; укр. *зернета* (польск. *ziárníá*); *въ степло л. 115, 6*; укр. *стебло* (польск. — *w źdźbło*) и др.; 4) употребление отдельных украинских оборотов: *натца срдце л. 13 об., 7*; укр. *натщесерце* (польск. *nácźczo*); 5) написание отглагольных существительных ср. рода им., вин. пад. ед. числа с окончаниями *я, а, ѧ* вместо *е*: тако ж переварениа воды исправляет водѣ л. 10, 12—13; укр. *переварення*, и некоторые другие особенности. Все это позволяет думать о наличии определенного юго-западного посредства между «Назирателем» и польским переводом труда Кресценция.

Обширный словоуказатель, приложенный к тексту «Назирателя», имеет самостоятельное значение. Он вводит в научный оборот большой массив слов, многие

из которых не зафиксированы еще ни одним лексикографическим трудом; в нем приводится исчерпывающий перечень употребляемых в рукописи знаменательных и служебных слов. Следует признать удачным способ подачи общих по происхождению слов в церковнославянском и русском звуковом оформлении, а также латинизмов, полонизмов, украинизмов и белорусских слов как самостоятельных (разных) лексических единиц: *всаждение, всажение; акт, актѣс* и т. д. Варианты заимствованного слова приводятся в одном месте под наиболее употребительным из них; в случаях существенных различий у вариантов последние даются каждый на своем месте: *пизги, пѣгви*.

Внимательный читатель может найти в этом большом и ценном труде некоторые промахи и неточности, обратит вни-

мание на отдельные опечатки. Однако эти недочеты предстанут совершенно незначительными мелочами, если учесть ценность и значимость тщательно выполненной издателями работы.

Характеризуя издание памятника в целом, необходимо сказать о квалифицированно выполненном палеографическом описании рукописи, принадлежащем И. С. Филипповой. Опубликованный памятник «Книга глаголемаки назиратель сирѣчь град домовных дѣтель», безусловно, привлечет внимание и языковедов, и историков, и специалистов по сельскому хозяйству и огородничеству. Это хороший подарок для всех, кто интересуется прошлым русского народа, его языком и культурой.

Ф. П. Сороколетов